

Мармонтель Жан Франсуа

**Нравоучительные сказки
Господина Мармонтеля, члена
Академии французской**

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ж27

Ж27 **Жан Франсуа М.**
Нравоучительные сказки Господина Мармонтеля, члена Академии французской: Часть 1 /
Мармонтель Жан Франсуа – М.: Книга по Требованию, 2023. – 256 с.

ISBN 978-5-519-95529-4

ISBN 978-5-519-95529-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

куріѣ. Мнѣ вспало на умѣ изъяснишь
въ сказкѣ одинѣ изъ собранныхъ мною
примѣровѣ; и я выбралѣ для опыту глупое
требованіе быть любиму единственно
для самаго себя. Сія сказка имѣла
успѣхѣ, которой только могла имѣть
бездѣлка. Мой другѣ убѣждалѣ меня
дать ему другую. Я вознамѣрился въ
ней дать чувствовать глупость тѣхѣ,
кои употребляютѣ власть для приведенія
женщины въ разсудкѣ; и я взялъ въ при-
мѣрѣ Султана и его невольницу, такѣ
какѣ двѣ крайности начальства и по-
слушанія. Сей новой опытѣ еще мнѣ
удался; и такѣ льстясь, что попалѣ на
вкусѣ общества въ такомѣ родѣ, кото-
рой удостоили почестѣ нѣсколько новымѣ,
я продолжалѣ въ ономѣ упражняться.

Чудное понятіе, которое молодые
люди берутѣ о любви отѣ чтенія рома-
новѣ, и печаль, которую они чувствуютѣ,
не находя оную въ естествѣ такову,
какѣ она описывается въ книгахѣ, была
также маленькое безуміе, подлежащее
къ опроверженію, и будучи взято съ
двухѣ различныхѣ сторонѣ, было содер-
жаніемѣ двухѣ сказокѣ: въ одной изобра-
жается женщина, недовольная способомѣ,
коимѣ она любитѣ; а въ другой женщи-

на же, недовольная способомъ, коимъ она любима.

Три различія того, что называютъ въ свѣшъ любовью, *прихоть, страсть и вкусъ*, дали мнѣ мысль о чепырехъ склянницахъ.

Въ сказкѣ, называемой *по щастію*, я старался показать, чѣмъ иногда держится добродѣтель женщины, и сколь ея слабость должна быть милосерда для самыхъ шѣхъ погрѣшностей, коихъ она избѣгнула.

Повѣсть о двухъ несчастныхъ есть примѣръ напастей, которыми молодой человѣкъ, шихаго и склоннаго нрава, подверженъ въ свѣшъ.

Смѣлость, съ коей нѣкоторые маленькіе образцы называютъ себя Философами, подала мнѣ содержаніе сказки *самоназывающагося Философа*.

Слѣпая и свирѣпая чрезвычайность любви *злой матери* къ одному изъ своихъ дѣтей, и приуговариваемыя ею себѣ печали; раченіе *доброй матери* къ учрежденію склонности своей дочери, и успѣхъ, которой ошъ того происходитъ, суть еще два примѣра, весьма превосходящіе данное имъ ошъ меня начертаніе. Есть свой-

свойства, которыя, для представленія себя во всей своей силѣ, пребудутъ примѣненій и разбирания, къ коимъ сказка не удобна; и я могъ только ихъ назначить. Есть опять другія, кои не столько общи, чтобъ можно было ихъ изобразить, не подавъ кому нибудь причины взять ихъ на собственной свой счетъ.

Иногда представлялись мнѣ содержанія, которыя, не имѣя нравоученія, точно соотвѣтствующаго нашимъ нравамъ, подавали мнѣ прогающія состоянія, или лучше сказать, привлекательныя картины: таковы суть *Лауэусъ* и *Лидія*, *Алпійская Пастушка*, *Анчета* и *Любинъ*, *Самнитскіе браки*; но въ сихъ самыхъ предметъ мой былъ сдѣланъ добродѣтель любовью. Впрочемъ я вездѣ старался описывать или нравы общества, или чувствованія природы. Сіе — то заставило меня дать сему собранію, шишуль *Нравоучительныхъ Сказокъ*.

Къ истиннѣ свойствамъ я хотѣлъ присовокупить проспошу средствъ, и употреблялъ для сего самыя обыкновеннѣйшія. Такимъ образомъ *маленькой чижикъ* служилъ мнѣ вывести изъ заблужденія и изцѣлить женщину отъ владѣющей ею слѣпой спрасши; въ другомъ мѣстѣ нѣ-

которыя переменныя въ картинѣ чертъ примиряющѣ двухъ супруговъ; въ третьемъ новыя вѣщи, позорище, игра, гулябище, сущі опыты, открывающіе свойства двухъ любовниковъ, и просвѣщающіе молодую дѣвицу въ выборѣ достойнаго ей жениха.

Я мало буду говорить о слогѣ: я вдаюсь тому, что мнѣ внушаетъ чувствованіе, или изображеніе, которыя я долженъ представить. Всегда содержаніе моего сочиненія даетъ мнѣ слогъ. Когда я описываю рѣчи, то все употребляемое мною искусство состоитъ въ томъ, чтобъ быть присутственну при сихъ разговорахъ, и писать то, что я думаю слышать. Вообще самое живѣйшее подражаніе нашурѣ въ нравахъ и въ языкѣ есть то, что я наипаче наблюдалъ въ сихъ сказкахъ. Еслили онѣ не имѣютъ сего достоинства, то не имѣютъ и никакого.

С К А З К И

ПРАВООУЧИТЕЛЬНЫЯ.

АЛЬЦИБІАДЪ.

Натура и щастіе, казалось, соединились, чтобъ споспѣшествовать къ благополучію Альцибіада. Богатство, красота, природа, цвѣтущія лѣта и здоровье: сколько дарованій, чтобъ возмѣришься и сдѣлаться во всемъ глупымъ! Но Альцибіадъ былъ только глупъ въ одномъ: онъ хотѣлъ быть любимъ для себя самаго. Отъ самыхъ вѣтреныхъ, даже до самыхъ непоколебимыхъ онъ всѣхъ прельстилъ въ Аѳинахъ; но точно не зналъ, его ли полно любили. Сія нѣжность пришла ему на умъ однимъ упрямъ, какъ онъ возвращался отъ нѣкоторой женщины, которая припворядась наидобродѣтельнѣйшею предъ свѣтомъ. Сіе было самое удобное время для размышленій. Альцибіадъ не преминулъ разсуждать о томъ, что называется чистое чувствованіе и метафизика любви. Я очень

глупѣ, говорилъ онѣ, что расточаю мои попеченія женщинѣ, которая можетъ быть меня любитъ только для себя самой! Клянусь всѣми богами, что я это вывѣдаю; и если это правда, такъ она можетъ искать между нашими аплешами любовника на мое мѣсто.

Прекрасная лицемѣрка, слѣдуя обыкновенію, дѣлала всегда какое нибудь слабое сопрошивленіе желаніямъ Альцибіада. Исполнить ихъ, было нѣчто ужасное. Она не могла и подумать о томъ не закрасившись. Надобно любить такъ, какъ она любила, чтобъ къ тому вознамѣриться. Она бы хотѣла вмѣсто всего, чтобъ онѣ былъ не столь и молодъ и не столь снримищенъ. Альцибіадъ угадалъ точно ея мысли. Я примѣчаю, сударыня, сказалъ онѣ ей нѣкогда, что сіи угожденія вамъ вѣ шягосъ; и такъ я хочу вамъ дашъ опытъ самой совершенной любви. Я на то соглашаюсь; потому что вамъ угодно, чтобъ однѣ наши души были соединены, и даю вамъ мое слово, ничего больше не требовать.

Сія лукавая красавица похвалила сіе намѣреніе съ такимъ видомъ, которой весьма былъ удобенъ привести ее въ обморокъ. Но Альцибіадъ твердо стоялъ въ своемъ намѣреніи: сіе было для ней не меньше досадно, какъ и удивительно; однако надобно было это скрывать.

На другой день было употреблено все, что спальное платье имѣетъ приманчиваго. Живость

Живость желанія блиспала въ глазахъ сей
лицемѣрно добродѣтельной женщины; въ по-
ступкахъ ея изображена была нѣжность и
роскошь. Самыя легчайшія завѣсы, самой
благопріятнѣйшій безпорядокъ, все, что въ
ней ни находилось, привлекало Альцибіада за-
быться. Онъ примѣнилъ искушеніе. Какую
побѣду, сказалъ онъ ей: какую побѣду могу
я одержать надъ собою! Я вижу, что лю-
бовь меня искушаетъ, и я тому радуюсь:
нѣжность моихъ чувствованій шѣмъ болѣе
окажется. Сіи тонкія и легкія завѣсы, сіи
подушки, на которыхъ, кажется, любовь
пронѣ свой поставила; ваша красота, мои же-
данія: сколько могутъ побѣдить непріятелей!
Улиссъ отъ нихъ бы не избѣгнулъ, Герку-
лесъ бы имъ подвергся; но я буду прему-
дрѣе Улисса и непоколебимѣе Геркулеса. Дѣй-
ствительно я вамъ докажу, что единственное
увеселеніе, любить, можетъ замѣнить всѣ
другія увеселенія. Ты прелестенъ, сказала
она ему, и я могу ласкать себя, что имѣю
у себя любовника безпримѣрнаго; только я
боюсь, чтобъ твоя любовь не ослабѣла спро-
снѣю. Напротивъ того, перервалъ вспыхи-
чиво Альцибіадъ, она шѣмъ болѣе можетъ
воспламениться. — Но ты еще молодъ, лю-
безной мой; случаются минувны, что не мо-
жно обладать собою, и я почишаю твою вѣр-
ность весьма подверженну, еслии тебя пре-
дамъ твоимъ желаніямъ. — Будь спокойна,
сударыня; я вамъ отвѣчаю за все. Еслии
могу я побѣждать мои желанія, вами раж-

даемыя,

даемыя, то какія уже не возмогу обузды-
 вать? — Ты мнѣ обещаешь по крайней мѣрѣ,
 сказала она ему, ихъ открыть, если они
 сдѣлаются спремительнѣе. Я не хочу, чтобъ
 тебя худой стыдъ удерживалъ. Не почитай
 за безчестіе сдержатъ мнѣ слово: нѣтъ ничего,
 чтобъ я тебѣ скорѣй простила, какъ невѣр-
 ность. — Конечно, сударыня, я вамъ при-
 знаюсь въ моей слабости съ наилучшею искрен-
 ностію въ свѣтѣ, когда буду приведенъ ей
 подвергнуться; но дозвольте мнѣ по крайней
 мѣрѣ испытать моихъ силъ: я думаю, что онѣ
 будутъ простираются еще далѣе, и уповаю,
 что любовь оныя приумножитъ. — Прекрасная
 лицемѣрка бѣсилась; но жаловаться не могла,
 боясь, чтобъ онѣ не примѣтилъ ея лукавства:
 она еще себя принуждала, въ надеждѣ, что
 Альцибиадъ поддастся новому искушенію. На
 другой день, какъ скоро онѣ проснулся, по-
 лучилъ цидулку, состоящую въ сихъ словахъ:
 „Я препроводила наижесточайшую ночь; увидь-
 „ся со мною: я жить безъ тебя не могу.“
 Онѣ пришелъ тотчасъ къ ней: завѣсы отъ
 оконъ были немного подняты; прекрасной
 день проникалъ въ покой сквозь пурпуровую
 волнистую шафшу: красавица была еще на
 постелѣ, устланной розами. Поди, говорила
 она ему жалостнымъ голосомъ, уйми мое
 безпокойство. Ужасной сонъ мучилъ меня
 сію ночь: видѣлось мнѣ, что ты стоишь на
 колѣняхъ предъ соперницею. Ахъ! я и теперь
 не могу опамятоваться. Не сказала ли я те-
 бѣ, Альцибиадъ, что я не могу жить въ страхѣ,
 чтобъ

чтобъ ты сдѣлался невѣрнымъ; мое несчастіе
будетъ мнѣ тѣмъ чувствительнѣе, что буду
сама того причиною; по крайней мѣрѣ я хочу,
чтобъ не могла ничѣмъ себя упрекать. Сколь-
ко ты мнѣ ни обѣщайся себя побѣждать: ты
еще чрезмѣрно молодъ, чтобъ могъ то дѣ-
лать долгое время. Развѣ я тебя не знаю?
Я чувствую, что спѣя тебя чрезмѣрно мно-
го требовала; чувствую, что сдѣлала великую
неоспорожность и свирѣпость, наложивъ на те-
бя споль жестокой законъ. Въ то время,
какъ она сіе говорила наипоразишельнѣйшимъ
образомъ, Альцибиадъ бросился къ ея ногамъ,
говоря: я очень несчастливъ, что вы меня не
почитаете сполько, чтобъ думать обо мнѣ,
что я могу прилѣпиться къ вамъ одними
узами чувствованія! Но со всемъ тѣмъ, чего
я себя лишилъ? Того, что дѣлаешь любовь
безчестною. Я спыжусь, видя, что вы по-
читаете за что нибудь сію жертву. Но
пусть она такъ велика, какъ вы ее себѣ во-
ображаете; мнѣ же ошъ того болѣе будетъ
славы. Нѣтъ, дражайшій мой Альцибиадъ,
сказала ему красавица, подавая руку: я не
хочу жертвы, которая бы тебя спойла; я
увѣрена и чрезмѣрно пронута сею чистою и
нѣжною любовію, которую ты мнѣ умѣлъ
такъ хорошо засвидѣтельствовать. Будь
щасливъ; я на это соглашаюсь. — Я щасп-
ливъ, сударыня, вскричалъ онъ, когда могу
жить для васъ; перестаньте меня подозрѣ-
вать и сожалѣть о мнѣ; вы во мнѣ видите
любовника самого вѣрнаго, самого нѣжнаго,
самого

самого почтительнаго — И самого глупѣйшаго! перервала она, отдернувъ съ сердцемъ завѣсы, и кликнула своихъ служанокъ. Альцибиадъ вышелъ разсердясь, увидя, что былъ любимъ такъ, какъ и прочіе, твердо вознамѣрясь болѣе не ходить къ женщинѣ, которая его принимала для собственнаго своего увеселенія. Не такимъ образомъ любятъ, говорилъ онъ, въ вѣкъ непорочности; и естъли молодая Глицерія чувствовала для меня то, что ея глаза кажутся мнѣ сказывать, я увѣренъ, что это была бы самая чистая любовь.

Глицерія, на пятнадцатомъ году своего возраста, привлекала уже желанія самаго славнаго юношества. Когда представишь себѣ розу въ то время, какъ она начинаетъ разпускаться: то будешь имѣть изображеніе нѣжности и сіянія ея красоты.

Альцибиадъ лишь показался, то его соперники разсыпались. Въ Афинахъ еще не было употребленія женишься для того, чтобъ другъ друга возненавидѣть и презирать на другой день: молодымъ людямъ давали время видѣться и разговаривать съ пристойною вольностию. Дѣвицы не налагали на своихъ оберегателей попеченія о своей добродѣтели. Цѣломудріе начало слабо сопротивляться съ тѣхъ поръ, какъ у него стали опинимать честь побѣды. Глицеріино же цѣломудріе было довольно сильное защищеніе. Альцибиадъ употребилъ все въ дѣйство, чтобъ ея цѣмъ нибудь удивить, или пронуть. Онъ пре-